

Образ Кирилла и Мефодия в современной русской Минее

. Православие.Ru, 26 мая 2011 г.
<http://www.pravoslavie.ru/put/46730.htm>

Валерий Ленахин

Приближение 1000-летия России в 1862 году усилило в стране интерес к тем, кто стоял у истоков славянской грамоты. Именно тогда было много сделано для прославления святых Кирилла и Мефодия. Епископ Смоленский Антоний (Амфитеатров) составил в память Кирилла и Мефодия новое последование всей службы, при этом он бережно сохранил древний первоначальный текст. Эту службу включили в майскую Минею. Служба была отпечатана тиражом 35 тыс. экземпляров, включена в дополнительную Минею и была разослана по российским церквям, а также по храмам других славянских народов, которые использовали тогда русские богослужебные книги. Торжества 1862 года побудили митрополита Московского и Коломенского Филарета составить отдельную 1-ю песню канона 8-го гласа в честь Кирилла и Мефодия. Ее и ныне можно найти в майской Минее (Минея 1987: 411–412). Спустя два десятилетия — 6 апреля 1885 года — по всей

России прошло празднование 1000-летия блаженной кончины святителя Мефодия. Тогда же составили акафист славянским апостолам. Служба просветителям была включена в Праздничную Минею: она стоит между майскими службами святителю Николаю и Константину и Елене (Минея 1994: 310 об. – 317 об.).

Обратимся к современной служебной Минее, изданной в 80-х годах XX века по благословению патриарха Пимена и под руководством митрополита Питирима (см.: Минея 1987: 406–429). Какие темы стали главными в майской службе? На первом месте в службе Кириллу и Мефодию стоят темы *света* и *просвещения*. На первый взгляд может показаться, что это разные темы, но христианская традиция при слове «свет» имеет в виду не видимый физический свет, а Божественный, нетварный, фаворский, как его называют. И просвещение в христианской традиции — это не распространение образования и грамотности, а просвещение всего человека светом веры Христовой. Поэтому в службе читаем: Кирилл и Мефодий просветили «светом Евангелия» «языки словенские», они потрудились в просвещении славян «светом Боговедения» (Минея 1987: 407). На Литии в одной из стихир поется, что Кирилл и Мефодий просветили народы Крещением святым. (Минея 1987: 408). Конечно, в службе говорится, что святые братья просветили славян письменностью, но грамота была только средством для просвещения светом веры Христовой. О таком виде просвещения в тексте майской службы упоминается 21 раз.

Вместе с тем Кирилл и Мефодий не только просветили других светом Евангелия, светом Боговедения и светом Крещения, светом Христовой веры, светом своего учения, но они сами «ко Свету Неприступному востекли» (Минея 1987: 408), и ныне они находятся в «неприступном Свете» (Минея 1987: 409).

В стихире на Славу поется: Кирилл и Мефодий просветители, «светильницы пресветлые», светом Богопознания просветившие страны словенские. Здесь составитель канона использовал библейский стилистический прием: слова, образованные от корня «свет», употребляются пять раз подряд — просветители, **светильницы пресветлые**, светом Богопознания просветившие.

На второе место по числу упоминаний в службе выходит Премудрость. В одном из тропарей канона поется: Тот, кто показал в сонном видении лестницу Иакову, Тот обручил Кириллу деву Софию в чудесном сне, когда Кирилл был еще отроком. Эта дева была Премудрость, председателья Престолу (Минея 1987: 412). Как уже говорилось в 1862 году митрополит Московский Филарет составил первую песнь канона на Утрени (ирмос, четыре тропаря и Богородичен). Во втором тропаре о видении Софии говорится следующее: «Бог, Емуже ведома суть от века вся дела его, еще во отрочестве твоём, Богомудре Кирилле, назнамена тя быти Премудрости Его любителя и служителя, показав тебе во сне обручение твое с девою Софиею, София бо толкуется Премудрость» (Минея 1987: 411).

Во втором тропаре 4-й песни читаем следующее: когда Кирилл был отдан в учение, он молился и «купно с внешним любомудрием Духа премудрости и страха Божия приял». Здесь видим традиционную для византийского богословия разделение учености на *внешнее* знание или любомудрие (философию) и *внутреннюю* мудрость, дарованную от Бога при содействии Святого Духа. Мудрость же внешняя есть «безумие перед Богом», как пишет апостол Павел (1Кор. 3: 19). Хотя, конечно, необходимость внешнего знания в святоотеческой традиции не отрицается, но оно должно занимать свое место и руководствоваться свышней премудростью, которая от Бога. Так и земная мудрость или внешнее знание очищаются и возвышаются.

В первом тропаре 3-й песни второго канона Кирилл называется «Философом Богогласным»: «Лествица избрана явися, Философе Богогласне, вся бо учением на небо возводиши». Во всей службе именование Кирилла Философом встречается один раз, тогда как в Пространном житии, по нашим подсчетам, — 52 раза. Конечно, слово «философ» употребляется в службе в его христианском смысле: Кирилл не философ в традиционном смысле, не представитель внешнего знания, а любитель Божественной премудрости — он «любомудр», он «Богогласный» философ. Здесь опять надо отметить, что речь идет не просто о личной человеческой учености Константина Философа, хотя он действительно для того времени исключительно образованный человек в области «внешней премудрости». Речь здесь идет о Божией Премудрости, которая даруется свыше и в некотором смысле противостоит, мудрости мира сего. Причем, надо отметить, с этой Божественной мудростью Кирилл был обручен, согласно житию и службе, еще в семилетнем возрасте. Кирилл «от отрочества премудрость в сожитие себе избрал» (Минея 1987: 406–407). Итак, Кирилл мудр Божественной мудростью, которая дарована ему от Бога. Сама Премудрость — источник его мудрости и его личная покровительница. В общей сложности о Премудрости и мудрости в службе говорится 15 раз.

На третьем месте по числу упоминаний в богослужении выходит *учительство*, т.е. учительская деятельность Кирилла и Мефодия, их проповедь христианства среди других народов. 2-я стихира на Господи воззвах называет братьев «мудрыми учителями»: так соединяются темы мудрости и учительства. Другая стихира называет Кирилла «златолаголивым» (Минея 1987: 406). В этой оценке ораторских способностей Кирилла можно видеть скрытую отсылку к

Иоанну Златоусту, сравнение с ним.

Кирилл и Мефодий «винограда Христова делатели», благодаря им, люди словенские «прицепились» как дикая маслина к благоплодному корню (Минея 1987: 406). Здесь имеется скрытая ссылка на ап. Павла, который пишет Римлянам: «Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись пред ветвями» (Рим. 11: 17). В другой стихире говорится, что они взыскали людей словенских, как «погибшую драхму». Это отсылка к притче о потерянной драхме из Евангелия от Луки: «Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет? А найдя, созовет подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму. Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15: 8–10). В тропаре, составленном в XIX веке, говорится: Кирилл и Мефодий — «апостолам единомыслии», «словенских стран учителя». Далее в тропаре содержится просьба «все языки словенские утвердить в Православии и единомыслии» (Минея 1987: 409). Итак, Кирилл и Мефодий — Учители и Первоучители, о чем поется в службе 14 раз.

На четвертом месте по числу упоминаний стоит равноапостольное достоинство Кирилла и Мефодия. По подвигу, который они совершили славянские учителя равны апостолам. Во 2-м тропаре шестой песни, обращенном к Мефодию, говорится: «Апостолом равну благодать Пречистаго Духа, отче, приим...». Итак, согласно тропарю, Мефодий равноапостольный не только потому, что проповедовал слово Божие, как апостол, но и потому, что приял благодать Святого Духа в той же мере, что и апостолы в день Пятидесятницы. То же самое, конечно, следует сказать и о Кирилле. В 1-м тропаре четвертой песни говорится, что Мефодий сотворил из хранины души селение Святого Духа. Здесь очевидна скрытая отсылка к апостолу Павлу, который обращался к Коринфянам: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?» (1Кор. 6: 19).

Во второй стихире на стиховне говорится, что они «апостолам равнопрестольные». Здесь можно предположить, что составитель службы имеет в виду «равнопрестольность» в прямом смысле: они сядут рядом с апостолами на Страшном Суде на престолах (Минея 1987: 408).

Из апостолов в службе упоминаются Варнава и Савл (Павел), а также Петр и Павел. Варнава и Савл упоминаются по следующему случаю. В Деяниях Апостолов рассказывается, как ученики Христовы в Антиохии молились и постились. И в это время Дух Святой сказал им: «Отделите мне Варнаву и Савла на дело, к которому я призвал их» (Деян. 13: 2). В 3-м тропаре шестой песни Кирилл и Мефодий сравниваются с этими апостолами: Кирилл и Мефодия также избрал Святой Дух, «выделил» из среды остальных и направил на дело, которое им было предназначено Богом.

В 4-м тропаре четвертой песни о Кирилле читаем: «Обретется *новый Павел*, премудре, весь мир Богу приобретет...». В стихире на Славу Кирилл называется *вторым Павлом* и *учеником Петра*: «О второй Павле и ученике Петров, в его же граде изволи почити...». Здесь имеется в виду кончина Кирилла в Риме (Минея 1987: 425). Тема ап. Петра особенно сильно звучит в шестой песне. Во всех трех тропарях, в ирмосе и в Богородичне этой песни один припев: «Яко Петра, мя (ны), Управителю, спаси». Иногда говорят, что католики больше почитают ап. Петра, протестанты — Павла, а православные — Иоанна. Святой Кирилл, согласно службе, как бы соединил в себе всех трех апостолов: Петра, Павла и Иоанна.

На следующем (пятом) месте стоит защита Кириллом и Мефодием учения о Пресвятой *Троице*.

они — «Троицы Единосущной велегласные проповедники» (Минея 1987: 406). «Имиже» мы познали «Присносущную Троицу, Отца и Сына и Святого Духа» (Минея 1987: 406–407). Кирилл — «Богословия труба златокованная, таинство Святыя Троицы подобием солнечным уяснивый и тем злохульные уста агарянские заградивый» (Минея 1987: 407). Седален после третьей песни канона развивает эту тему. В нем говорится о том, что Кирилл уподобил Троицу солнцу: Отец — солнечный круг, Сын — свет, Святой Дух — тепло (Минея 1987: 413). Солнце в качестве подобия Пресвятой Троицы использовали до Кирилла: Солнце, Свет, тепло суть одно, и разделить их невозможно. Это сравнение встречается в христианском богословии уже в IV веке у любимого Кириллом святителя Григория Богослова. (см.: Григорий 1993: 460, 462).

При этом надо отметить, что святые братья не только защищают Троицу, но, как говорится об этом в службе, они сами просвещаются светом Пресвятой Троицы, наставляются ей, как надо защищать православное учение. 2-й кондак после шестой песни канона обращен к Мефодию, в нем подчеркивается, что Мефодий «зарями трисолнечными Божества освещаемь». Здесь встречаем еще одно уподобление Троицы солнцу: Троица — это три солнца в одном. Поэтому Кирилл и Мефодий смогли как «пастыри» Христовой Церкви научить «словесныя овцы веровати в Троицу Единосущную во Едином Божестве» (Минея 1987: 410)

Особый интерес представляет 4-й тропарь шестой песни первого канона: «Ересем всем противен явился благодатию, Мефодие, достойными ответы, от Отца убо Параклита исходяща, а не от Сына, глаголя, но равенством Троицу чисте исповедая» (Минея 1987: 422). Важно отметить, что в этом тропаре указывается на православное отношение святого Мефодия к возникшему тогда богословскому спору об исхождении Святого Духа: «Благодатию Божию ты против всех ересей дал достойный ответ, и Параклита (Духа Святого) именовал исходящим от Отца, а не от Сына, научая воздавать Троице равную честь» (перевод А.В. Горского). Отметим, что такого эпизода нет в житиях Кирилла и Мефодия. О защите братьями православного учения о Пресвятой Троице в службе говорится в общей сложности 10 раз.

О переводе Священного Писания на «словенский язык» упоминается 6 раз, затем 3 раза говорится об изобретении «писмен» и 2 раза — о борьбе против триязычия. В первом тропаре 8-й песни подчеркивается, что Кирилл принял сан священства и изобрел «письмена словенские» при озарении невещественным светом благодати и с помощью Духа Святого. Дверь Боговедения была закрыта, но она открылась «писмен славянских изобретением». Теперь, входя в эту дверь, люди словенские разумеют «таинство Благовестия Христова» (Минея 1987: 407). Благодаря Кириллу и Мефодию, поется далее, мы «свет благовестия Христова прияхом и познахом Предвечное Слово» (Минея 1987: 408). Здесь видим важный мотив: мы познали не просто буквы, грамоту, чтение, *слово*, но познали *Слово*, Логос, познали самого Сына Божия. А человеческое слово — только «осколок» этого Божественного Слова.

Изобретение грамоты важно не только для перевода Священного Писания и для Богопознания, но и для богослужения. Седален по втором стихословии утверждает: радуются «роды словенские», ибо Кириллом и Мефодием «начатся на сроднем нам языке словенстем Литургия Божественная и все церковное служение совершатися», и теми (Кириллом и Мефодием) «неисчерпаемый кладезь воды, текущей в жизнь вечную, дадесе нам» (Минея 1987: 409). Это аллюзия на беседу Христа с самарянкой. В Евангелии от Иоанна читаем: «Иисус сказал ей (самарянке) в ответ: всякий пьющий воду сию, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 10–15).

Седален после полиелея развивает следующую тему: словене от «глада Слова Божия» погибли,

а Кирилл и Мефодий «манною учения Богомудрого» напитали их и «преложением Благовестия сына Громова на сродную им беседу, яко лучею солнечною» (Минея 1987: 410). Во втором тропаре 8-й песни говорится, что сначала они перевели «сына Громова неземные глаголы: в начале бе Слово», потом «Псалтырь сладкогласную». Согласно Пространному житию Кирилла, первая книга, которую он написал славянскими письменами, было Евангелие от Иоанна (Родник 1990: 122). Здесь, на наш взгляд, интересно выделение из четырех Евангелий одного, которое начинает Апракос. Отметим, что Православие, в частности, русское особенно почитает именно Иоанна Богослова. Нельзя не обратить внимания на то, что Иоанн Богослов больше других апостолов говорит о мудрости, в некотором смысле он отождествляет Слово и Мудрость, Логос и Софию. Иоанн больше других евангелистов показал и свою высокую богодухновенную мудрость. Интересно, что Кирилл и Мефодий, если понимать седален в прямом смысле, напитали славян «манною Евангелия» от Иоанна, а не всех четырех Евангелий.

Таким образом, филологические заслуги Первоучителей также занимают немалое место в службе, но все же не могут сравниться в чисто количественном отношении с просветительской, учительской и апостольской деятельностью Кирилла и Мефодия.

Обратим внимание на некоторые другие особенности службы. Несколько раз в ней подчеркивается, что Кирилл и Мефодий — «двоица», их не надо отделять друг от друга, иногда их называют «священная двоица» (Минея 1987: 415). Следует обратить внимание и на паримии: это паримии святительские. (1-я — Притч. гл. 3: 8; 2-я — Прем. гл. 10, 6, 9; 3-я — Прем. гл. 4, 6, 7 и 2). Главная тема этих паримий — мудрость, Премудрость. Они читаются всем святителям, но все же можно обратить внимание, что паримии обращены к *святителям*. По церковным правилам, Кириллу следовало бы читать паримии преподобнические, поскольку он скончался в сане иеромонаха. Богослужебные тексты, так же как некоторые фрески и иконы Кирилла, свидетельствуют о том, что он почитается и как святитель, и как преподобный. Это вызвано, с одной стороны, тем, что его брат — святитель, а служба им совершается общая, с другой стороны, подвиг Кирилла — апостольский, он — равноапостольный, что, конечно, гораздо ближе к святителю, чем к преподобному. Здесь происходит некоторое отождествление апостольского и святительского подвига, апостола и святителя.

Как Кирилл называется святителем, не будучи им, так Мефодий называется «преподобным» (Минея 1987: 410), хотя это заметное понижение в «чине», ведь он прежде всего святитель. Но, конечно, Мефодий прошел весь монашеский путь, поэтому в обратной перспективе он — преподобный. В церковной традиции это не единственный случай: например, святитель Василий Великий и составитель Великого канона святитель Андрей Критский в некоторых богослужебных текстах также называются «преподобными».

Кирилл и Мефодий уподобляются в службе не только апостолам, но и ветхозаветным праведникам: отрокам иудейским в печи огненной, патриарху Аврааму, пророкам Илие, Давиду, Моисею. Обычно сопоставления проводятся в следующем ключе: как Авраам переселился в землю ханаанскую, так и Кирилл пошел в землю чужую для проповеди истинной веры (Минея 1987: 423). Мефодий в 4-м тропаре восьмой песни сравнивается с пророком Илией («другий равный Илия»), поскольку показывает такое же «рвение» в защите истинной веры; он сопоставляется с Моисеем, поскольку в проповеди показывает такую же кротость, и, наконец, с Давидом, поскольку, как царь и пророк, показывает такое же незлобие по отношению к врагам.

В 1-м тропаре седьмой песни первого канона говорится, что Мефодий с Кириллом на проповеди были, как отроки иудейские «огнем нечестия неопалены». Тема ирмосов седьмой и

восьмой песен всегда посвящена трем отрокам, которых персидский царь бросил в горящую печь, но явился Ангел и сделал в ней как бы влажный ветер, и так отроки остались живы в огне (см.: Дан. 3: 19–51). В этой песне не только ирмос, но и тропарь посвящен данной теме. Если отроки иудейские были попяемы вещественным огнем, то просветители словенские — «огнем нечестия», но так же, как отроки, с помощью ангельской они вышли невредимыми из этого огня.

Упоминание о Кирилле и Мефодии введено даже в Богородичен девятой песни канона. Это редчайший, если не исключительный случай в литургическом творчестве, поскольку Богородичен, как явствует из его названия, всегда посвящен прославлению Богородицы.

В службе Кириллу и Мефодию упоминаются некоторые биографические факты. Например, в 1-м тропаре шестой песни говорится, что естество Божие есть как пучина морская, непостижимая для ума, и те, кто без Евангелия хочет переплыть ее, потопляются. Согласно житию, это сказал Кирилл в диспуте с «агарянами». Или в следующем тропаре читаем, что «агаряне» тайно подложили яд Кириллу, но он не повредил святому. Во 2-м тропаре седьмой песни говорится, что премудрый Кирилл победил в споре иудеев и сарацин, страну Хазарскую просветил крещением, узников освободил, соленую воду превратил в сладкую. Все это заимствовано из житий святых.

В заключение отметим, что в службе довольно мало географических примет. Всего по одному разу упоминается Моравия, Рим. Из народов упоминаются хазары, сарацины, люди словенские, но чаще употребляются общие названия: народы, языки, роды.^[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Русская словесность и икона: проблемы интермедиальности», проект № 10-04-00016а.